

5.3.92

Специальный состав, названный «Поезд Россини», связал в эти последние февральские дни город Пезаро — родину композитора — с Феррарой, Болоньей, Флоренцией. Он предназначен для всех поклонников его музыки, поскольку Италия 29 февраля торжественно празднует день рождения кужира. «Россини — европейский музыкант» — так называется цикл концертов и спектаклей, приуроченных к празднику. В Пезаро произведения Россини исполнял оркестр под управлением Сальваторе Аккардо, в Ферраре Клаудио Аббадо дирижировал оперой «Путешествие в Реймс», во Флоренции у церкви Санта Кроче, где покоится прах Россини, была исполнена «Маленькая торжественная месса».

Но это только «первые шаги», предпринятые Комитетом Россини в честь двухсотлетнего юбилея. Впереди — гала-концерт в Нью-Йорке, «Дева озера» в «Ла Скала» (дирижирует Муги), оперный фестиваль в честь великого итальянца на его родине, а также выставки, концерты, демонстрации фильмов. И публикация эпистолярного наследия композитора — более трех тысяч писем. Музыковеды и историков волнует тот великий дух, что пронизывает произведения гениального итальянца, а публика любопытна до того, как проводил композитор свои будни в далеком, отшумевшем XIX столетии. О чем и свидетельствует публикация из еженедельника «Венерди», которую мы представляем вниманию читателя.

панского, рис, макароны, сыры и колбасы, и никто не обратил на это внимание, не стал его высмеивать. А вот Россини, из-за его постоянной манеры подшучивать, разыгрывать, смеяться надо всем и в первую очередь над самим собой, вошел в историю как большой обжора. «От имени всех людей благодарю тех, кто придумал сыр горгонцолла,— писал он.— Мои немецкие друзья сыру предпочитают творог, а ведь это все равно, как если бы они симфонической пьесе предпочли романс».

Много удивительного и забавного рассказывают о Джоаккино Россини, но самым удивительным для всех его биографов было следующее: как случилось, что он, написав около сорока опер, вдруг замолчал в тридцать-то шесть лет! А именно этот возраст считается самым плодотворным для музыканта, да, пожалуй, и для любого человека. Странный феномен «россиниведы» объясняют по-разному, а вот итальянские музыковеды считают, что за объяснениями лучше всего обратиться к лечащему врачу великого композитора, который занимался его здоровьем после того, как Россини переехал в Париж. Переехал и весь ушел в себя, болезненно сосредоточившись на своем здоровье. Сохранился дагерротип, датированный 1860 годом: Россини сидит, тяжело опершись левой рукой на палку, погруженный в мрачные раздумья. Вчерашний завсегдатый светских салонов и кафе превратился в нелюдимого ипохондрика. Внешняя причина такого быстрого и трагического превращения — длинный список хронических болезней, которые он с помощью французских врачей открыл в себе. Жил бы Россини сегодня, антибиотики и обычные, известные всем лекарства от депрессии наверняка вывели бы великого композитора из состояния безнадежной меланхолии. А в то время подобные психические рас-

Россини здесь, Россини там

Если бы Джоаккино Россини мог бы подвести итоги своего двухсотлетия со дня появления в мире божьем, он отметил бы, что ему нельзя пожаловаться на беспаятность людей: вряд ли есть на свете человек, который не слышал бы музыки «Сороки-воровки», «Итальянки в Алжире», не насвистывал бы по утрам арий из «Севильского цирюльника».

И все же накануне 200-летнего юбилея в Италии снова вспыхнули споры, ожили самые разные домыслы и сплетни, связанные с его именем. Каким он был? Озорным жизнелюбом или угрюмым невротиком? Легенд о Россини ходит немало. Одни рассказывают, что он был ленив и нелюдим, другие — что любил женщин, но особенно — обильные обеды. Сам придумывал новые блюда, которые, как правило, на вкус были ужасны. Об этом свидетельствуют два знаменитых человека: композитор Обер, который часто встречался с Россини и постоянно повторял: «Его кухня невыносима», и Меттерних, сказавший: «Каждый раз, когда о ней вспоминаю, я вздрагиваю».

По мнению авторитетных итальянских музыковедов, на свете не существует такой биографии Россини, что исследовала бы его характер, привычки, склонности. Хотя писать их начали еще при жизни мастера, который оценил их следующим образом: «Все мои биографии, все без исключения, полны выдуманных историй и нелепостей, более или менее тошнотворных». И потому в Италии очень ждут публикации важных документов, на многое проливающих свет, по случаю юбилея они будут обнародованы Фондом Россини.

Документальных свидетельств не хватает, а вот всяких забавных историй и анекдотов о Россини ходит множество. В Италии считают, что рассказывал их по большей части знаменитый писатель Стендаль, порой солидно присочиняя. К тому времени Россини поселился в Париже, жил в прекрасном доме между Пляс Пигаль и Парижской оперой, ничего не делал, в его богатом салоне появлялись самые знаменитые люди той эпохи. Сам себя в это время он называл «пианистом четвертой категории», любил проводить время в окружении известных певцов и частенько устраивал у себя импровизированные музыкальные вечера. Окончательно перестал писать оперы в 1829 году, после парижской премьеры «Вильгельма Телля», которая, по свидетельству современников, не имела успеха. Однако любил слушать арии из своих опер в исполнении лучших певцов, которым и делал замечания, если что не так. Великая сопрано всех времен и народов Аделина Патти пела для него арии из «Семирамиды» и «Сороки-воровки». Однако после того как она исполнила арию Розины из «Севильского цирюльника», изобильно украсив ее руладами, он поморщился и спросил: «Чью это арию вы сейчас спели!»

Вообще был остер на язык и скор на розыгрыши. Однажды во время очередного музыкального вечера в своем салоне представил вниманию слушателей

фортепианную пьесу тогда еще совсем молодого Сен-Санса. Сказав, что сам ее написал, и, когда публика разразилась аплодисментами и восторгами, вывел за руку смущенного автора. Другой раз разыграл знатоков музыки во время путешествия. Хотя в Европе уже «вошли в моду» железные дороги, Россини их презирал и упорно ездил только в экипаже. И вот однажды, путешествуя таким любезным ему образом, он завел со спутниками разговор о музыке. Не зная, кто сидит рядом, они начали на чем свет стоит ругать «этого Россини» и его сочинения, противопоставляя ему Перголези. Россини поддакивал, затем напел одну из своих арий, сказав, что вот она — музыка Перголези, и все пришли в восторг. После чего несмешник напел арию Перголези, сказав, а вот это, дескать, Россини — публика пришла в негодование. Тогда, широко улыбаясь, он роздал всем визитные карточки, и в тишине всеобщего конфуза пригласил присутствующих к себе на музыкальный вечер.

Но все это было, так сказать, «интеллигентными» розыгрышами, а вот в юности он веселился прямолинейнее. В Риме как-то его пригласили выступить в доме одного из кардиналов (у композитора был прекрасный баритон), но попросили не петь любовных арий, принимая во внимание сан хозяина. В отместку Россини исполнил скабрзные куплеты, которые никто не понял, по-

сколько они были на эмилианском диалекте. В другой раз обратил в бегство местного священника, одолевшего его своими просьбами, — вышел к нему абсолютно без ничего и заявил, что, дескать, не стыдится своей наготы, поскольку сам великий скульптор Канова нашел его тело настолько красивым, что предлагал позировать.

Насмешки и страсть к розыгрышам не всегда сходили ему с рук. Кое за что пришлось дорого заплатить. В 1815 году в Италии были реставрированы монархии, началась борьба против австрийского гнета. Россини по этому поводу написал гимн независимости. Однако австрийцы победили, и генерал Штефани послал за

композитором, чтобы примерно наказать его. Россини явился, держа в руках ноты нового гимна, прославлявшего победу австрийцев. Только спустя некоторое время незадачливый генерал узнал, что музыка была та же, только слова другие. Такую «шутку» итальянские патриоты не простили даже своему любимцу. Когда в Италии разразилась война за освобождение от австрийского владычества, возмущенная толпа с криками «Долой ретрограда!» осадила дом Россини. Это стало одной из причин его решения покинуть родину и поселиться во Францию. А вообще весь этот эпизод был окончательно предан забвению только в 1897 году, когда итальянцы на-

конец-то решили перевезти прах великого соотечественника с кладбища Перлашез, где он был похоронен, на родину. Теперь Россини покоится в церкви Санта Кроче во Флоренции, рядом с Галилеем, Микеланджело, Маккиавелли и Керубини.

А еще рассказывают, что был он необыкновенно ленив. Любил сочинять, лежа в постели, и если случайно ронял на пол исписанный нотами лист, то не вставал, чтобы поднять страницу, а писал все заново. Он мог себе позволить такую роскошь, потому что, как рассказывают, еще не коснувшись пером бумаги, уже «держал в голове» музыку всей оперы. Зато maestro обвиняли в том, что он мог с удивительной легкостью «переселить» целую арию или какой-либо другой музыкальный эпизод из одного произведения в другое. Композитор этого не отрицал, объясняя такую свою привычку следующим образом: «Думаю, что я имел право брать из моих «освистанных» опер те куски, которые мне нравятся, и, спасая их от окончательной гибели, переносить в новые оперы, которые я в то время писал». Мастер вообще не считал, что все его сочинения бессмертны, и говорил, что любая опера — это итог большой работы и многих ошибок.

А вот слухи о непомерном чревоугодии Россини — это самая мрачная сторона всех многочисленных легенд, сочиненных о знаменитом мастере. И почему — непонятно. Верди, например, отпраздновав з Россини на премьеру своей оперы «Сила судьбы», прихватил сто двадцать бутылок бордо, немало шам-

стройства лечились, как ни парадоксально, музыкой.

Еще в 1803 году известный немецкий психиатр Иоханн Христиан Рейл опубликовал трактат, в котором говорил, что музыка — самое эффективное средство, активно и благотворно действующее на психику. Об этом свидетельствует и давняя человеческая практика. Так, Давид играл на арфе, чтобы излечить Саула, а которого вселились демоны отчаяния, а музыкант Фаринелло ночами пел Филиппу V Испанскому, и только этим выводил его из состояния глубочайшей тоски. Листа приглашали играть в один из парижских домов для умалишенных, и специалисты-медики свидетельствовали, что его музыка оказывала благотворное влияние на пациентов.

Спасла ли Россини именно музыка, или были другие причины, но к концу жизни он все-таки вышел из длинного и темного туннеля меланхолии, написал «Sabat mater» и «Маленькую торжественную мессу», которые имели оглушительный успех.

По материалам итальянской прессы подготовила Марина АРКАДЬЕВА.

● Россини — XX век. Афиша фестиваля в Пезаро.

● Россини. Карикатура Бенджамина.

● Россини в окружении персонажей своих опер (Музей театра «Ла Скала»).